

Александр Елизарэ

Рядовой для Афганистана

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Е51

Елизарэ А.

Рядовой для Афганистана / А. Елизарэ — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. — 601 с.

ISBN 978-5-5321-1110-3

СССР, 1984 год. Александр Одуванчиков, следуя своей мечте, оказывается в воздушно-десантных войсках. Начинается суровая школа и преодоление себя. Предчувствия сбываются, после окончания учебного подразделения в Каунасе его направляют в Афганистан, город Кабул. Молодой солдат не представляет, что его ждет в древней и опасной стране. Лейтенант разведки США направляется в Афганистан для слежения за подразделениями ВДВ ОКСВА в Панджшере. Двое юношей - два взгляда на войну. Две дороги над пропастью. Действия романа основаны на реальных событиях. Автор проходил службу в ДРА в 1985-86 гг.

Александр Елизарэ
Рядовой для Афганистана
казарма русских парашютистов

Рядовым солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам Сороковой Армии посвящаю этот роман. Действия в романе основаны на реальных событиях. Некоторые имена героев изменены.

Время, проведенное на войне – когда от Бога или удачи зависит каждый твой шаг. Время духовного взросления и осмысления бытия. Время, выбрало тебя, чтобы решить, что делать с тобой дальше – оставить жить, как лучшего представителя человечества или уничтожить, как ненужный для вселенной элемент. На войне случается наоборот, лучшие – приносятся в жертву провидению.

Пролог

Лето 1979 года. СССР. Ночной сон, предчувствие

Кругом пыль; серая и взвешенная, словно цемент или пепел. На вкус – морская глина, испеченная на солнце.

Машина резко дернулась и замерла. Звонящая тишина лопнула в один миг, где-то впереди раздался страшный взрыв, стреляли сверху, значит по нашей колонне. Ушные перепонки раскалились от автоматной стрельбы и грохота танковых пулеметов. Я оглянулся и увидел молодых солдат, вопросительно уставившихся на меня. Вдруг снаружи раздался отборный мат, перемешанный с четкими приказами нашего командира.

– Что притихли, гаврики? Обделались со страху? Быстро из машины, гвардейцы! Занять оборону! Пулей! Впереди обстрел! С высот лупят «духи»¹ прицельно! Сержант, командуй живее!

Потом на секунду все пропало.

– *Ча* сидим, бойцы? – закричал я на солдат. – Бегом выпрыгнули из машины! Справа, слева по одному, и сразу расползлись, десантура! Фергану² забыли, «слоны»³? Вперед!

¹ «Духи» – душманы или басмачи. Некоторые нерадивые Советские солдаты или прапорщики называли молодых и неопытных солдат «духами». Это было крайне оскорбительно и не поощрялось офицерами.

² *Ферганá* – город на границе с Афганистаном, основная учебка для обучения и заброски новобранцев «за реку» – в Афганистан.

³ «Слоны» – обидная кличка молодых солдат ВДВ. Имеется в виду, что слон – он неповоротлив, имеет большие уши, так как обязан больше слушать и впитывать информацию от «черпаков» и «дедов». Кроме этого, «слон может летать», опять же используя все те же большие уши, словно крылья. Летающий слон – это молодой солдат, выполняющий быстро неуставные приказы старослужащих. К примеру: найди сигарету, постирай носки, принеси пожрать в постель «деду». Некоторые «дембеля» могли попросить кофе в «постель». Солдатик бежал в столовую и заваривал для «дедушки» кофе или кофейный напиток. Принести он должен был кофе в кубрик так, чтобы этого не заметили офицеры или прапорщик – старшина. И обязательно нужно было сказать: «Ваш кофе, сэр!» – потом подать кофе и чистое вафельное полотенце. Обычно, это воспринималось как комедия или добрая шутка, комплемент для отслуживших солдат или сержантов.

– Ура! – грохнули десантники и резко, один за другим, покинули грузовик по разным бортам.

Через несколько секунд старая машина вдруг заурчала и как-то безвольно, словно мертвая, поехала вперед. Мои последние слова потонули в дьявольском грохоте, словно сама Земля наткнулась на непреодолимое препятствие во вселенной, и произошло то, что уже нельзя поправить, даже Богу. Раздался оглушительный разрыв. Все разлетелось на мелкие и неправильные частички. Странно, совсем нет боли, значит, меня уже нет, как жаль. Я хочу плакать, но не могу. В моих глазах потемнело, словно навсегда пропало солнце. Черная дыра проглотила меня, и я подчинился её мантии. Тело поднялось и полетело высоко в небо. Я увидел наш грузовик, падающий с горного серпантина вниз и, догорающий в тяжелых муках на дне ущелья. Зеленые ветви низкого кустарника нежно обволокли черные остовы бортов, огонь медленно затухал и убаюкивал остатки черной стали и жженой резины. Раздался еще один слабый хлопок, взорвался воздух в последнем уцелевшем колесе, машина умерла и обездвижилась. Тишина и крик орла в синей вышине завершили страшную картину перехода в другое состояние.

Все пройдет, а что пройдет то будет мило. «Мир его праху. И вечный по-ко-й!» – кто же это поет, как в храме? Вдруг я остановился над каким-то облачком, а потом резко полетел вниз будто камень. Принял твердость земли, больно ударился спиной и затылком. Это хорошо, раз мне снова больно. Млечный путь остановился, раздумывая, а что же дальше. Завелся и пошел, буравя тысячи световых лет в бесконечной вселенной...

Сердце мое вновь забилося, видимо несколько минут я просто не слышал его стука. Теперь же оно стучало громко и тяжело, предупреждая меня о новой опасности и не позволяя спать. Очнулся я посреди дороги и незнакомых гор. Болит голова, перед глазами черно-белая картинка: белые горы, словно сахарные, в серой вышине кружит орел. В нескольких метрах догорает еще одна машина, правильнее сказать, догорают ее останки. На камнях валяется помятая темно-зеленая дверь от КамАЗа с огромной красной звездой. Я вновь вижу цвета, пока блеклые. Рядом на песке валяются обугленные солдат-

ские ботинки, каски, руки, ноги, головы. Бурая кровь... Проснуться! Немедленно. «Давай, сержант, просыпайся! Где автомат, гранаты, нож! Где мой штык-нож?»

Я с трудом подобрал под себя колени, встал и поплелся вперед, не зная куда; шатаюсь и покачиваясь, словно из тела моего каким-то невероятным способом вытянули позвоночник. Состояние моего потускневшего сознания и выкрученного тела сравнимо с карасем, выпрыгнувшим с раскаленной сковороды. Обратно в речку – поздно, шкура уже поджарилась, обратно на сковородку? Надо просто бежать, сдохнуть в тишине под синим небом. Вот только на месте ли внутренности и голова, неизвестно? Ведь курица сначала тоже бежит недалеко. Без башки далеко не убежишь. Воды, страшно хочется пить, голова и рот на месте. Картинка постепенно становится яркой и цветной. Руки на месте, ноги идут. Живот цел, где кишки? Ха, кажись на месте. Точно... сплю! Впереди, на пути какие-то люди в забинтованных головах... или чалмах... Кто же это, не помню! Ни хрена не помню! Джины, что ли? Разбойники из сказки Али-Баба.... А я что здесь делаю? Какого рожна я очутился в этой сказке? Кто я? Нужно вспомнить, кто я и какую роль играю на этой пыльной дороге.

Впрочем, пейзажик на горизонте, что надо: горные вершины спят под серебристым снегом. Может эти «Хоттабычи» помогут мне все вспомнить и дадут напиться? Но почему? Зачем они смеются надо мной? Я остановился, протянул руку вперед, и попросил у них пить, они опять смеются. Зло ржут беззубыми засохшими ртами. Может это мертвецы или зомби?

Один невысокий бородач вытащил из-за пояса саблю, опустил вниз свой взгляд и направился ко мне. Я интуитивно попятился назад и упал на локти и спину. Под ладонью нащупал камень и вцепился в него. Быстро встал, принял стойку для драки. Басмач поднял лицо и *вперился* в мои глаза. Взгляд бородача не сулит ничего доброго. Толпа яростно закричала: «Ал-ла, ак-ба...» Не понимаю, но точно не «Шайбу-шайбу!» Человек с саблей совсем близко, он машет ею! Он хочет меня зарубить, за что? Где бы взять камень? Их здесь навалом, но я не смогу подобрать его. В моей ладони оказалась противоре-

хотная граната «лимонка»⁴. В голове шум, кровь из носа, ха, мелочи, ведь этот абориген может отрубить мне голову! Он кричит на меня и требует, чтобы я встал на колени, а руки положил на землю! Бежать прочь от него! Бежать!

Я развернулся и бросился бежать. Ватные ноги не слушаются. «Соберись, сержант, если хочешь выжить. Карлик спешит за тобой».

Странно, мне бежится легко, я мчусь. Преследователь не отстает. Сволочь, скороход! Маленький Мук! Кто он, что от меня ему нужно? Когда кончится этот фарс, появившийся неоткуда? «Хватит бежать, парень!» Я резко остановился и уставился в бородача. Сабли в его руках нет, видно потерял.

Злой взгляд приблизился ко мне, а сухой рот с желтыми, как песок зубами произнес: «*Сэй-час* ты умрешь, *нэвэрный!* *Нэ* бойся, солдат, я *зарэжу* тебя очень быстро, ты не будешь страдать. Ведь ты *дэсант*, *смэлый* шурави⁵». Он достал из-за пояса кривой, ярко отточенный нож и взмахнул им. Я отшатнулся в сторону и вновь побежал. Резкая боль настигла через несколько мгновений и пронзила позвоночник, проникая сзади между лопаток. Я упал, захлебываясь чем-то теплым и тяжелым. «Моя кровь! Не сон? Зря я побежал, зря повернулся к врагу спиной! Зря трусил! Пусть подойдет поближе, я вырву зубами его кадык! Нет, не вижу, ничего. Кольцо «лимонки» на моем пальце, так нужно, рванул кольцо! Прощай, мама, папка...»

⁴ «Лимонка» – оборонительная Советская граната большой мощности. Она же – «лимончик», «эфка», «Ф-1» – основная граната Афганской компании с обеих противоборствующих сторон. Печально известная граната, отправляющая наших солдат, попавших в окружение, в последний путь. Обычно, каждый десантник, отправляющийся на боевое задание, брал с собой не менее четырех «лимонок»: три для душманов, четвертую для себя. Эта граната служила отличным психологическим щитом для молодого солдата. Чтобы не попасть в плен каждый солдат был готов рвануть под собой последнюю гранату. Офицеры специальных подразделений брали с собой в дозор по пять гранат. Этими гранатами шла активная торговля по всему Афганистану – множество подделок и модификаций производства Китая, Пакистана и других стран.

⁵ *Шурави* – так уважительно называли мирные Афганские жители наших солдат и офицеров. Душманы, впрочем, также называли Советских солдат, но только с другой – жесткой интонацией.

«Что с тобой, мой мальчик, что случилось? Ты кричал во сне! Ты весь горишь! Господи, что же это, снова кровь носом... Нужно вызвать врача...»

Глава I. Прибытие в «А»

Прибыли мы в Афганистан 26-го Апреля 1985 года прямиком на Кабульский аэродром. На самом деле это был международный аэропорт, но под конец 1979 года, когда «наши» зашли в Афган, он стал настоящим военным аэродромом для Советских военных всех мастей и родов войск. Контролировала аэропорт, как и всю столицу, 103-я гвардейская Витебская воздушно-десантная дивизия, ставшая теперь по солдатской молве просто – «Кабульской-десантурской».

Причалили мы на гражданском «корабле» Ту-154, поэтому в салоне у нас было все: две шикарные стюардессы, почему-то напоминающие луговых ласточек, минеральная вода, по стаканчику, и даже итальянская эстрада.

За минут – пятнадцать до посадки одна из стюардесс сладким голосом объявила.

– Дорогие мальчики. После приземления и остановки лайнера просим вас выходить из самолета организованно и главное быстро. Возможен обстрел аэропорта. Мы идем на снижение и готовимся к посадке в аэропорту города Кабул, столице Демократической Республики Афганистан. Судя по вашей форме, я вижу, что вы все десантники, поэтому, от всего нашего экипажа желаем вам одного – побыстрее отслужить и живыми вернуться домой.

На последнем слове она резко отвернулась к окошку и незаметно скинула слезу с длинных черных ресниц. Заметили это немногие, но те, кто слушал девушку и смотрел ей в рот, прямо с места закричали ободряющие фразы, мол, не бойся, красавица, все вернемся, мы же десантники, а не «соляра»⁶.

Но один старый прапорщик, сидевший в хвосте салона, пробурчал себе под нос.

⁶ «Соляра» – общее, слегка неуважительное прозвище солдат и войск общего назначения. Так десантники называли обычную мотопехоту или водителей колонн, если они проявляли слабость или нерешительность во время боевых выходов. Тоже похоже – «летуны», если солдаты готовящие вертолет к вылету делали все медленно или плохо.

– Только раньше и быстрее не надо, отсюда раньше только в оцинкованном ящике можно, на хрен такое нужно.

Наш серебристый самолет мягко приземлился и стал выруливать и разворачиваться.

Когда стюардессочка проходила мимо меня в своей коротенькой юбочке, сверкая красивыми и ухоженными ножками в итальянских чулках, я не удержался и спросил.

– А что так долго не выходим, все рулим по кругу? А, красавица?

– Сейчас развернемся, вас высадим, заберем пассажиров и сразу обратно, – с улыбкой ответила «ласточка».

– Ага! А кто новые пассажиры? – поинтересовался я.

– Наверное, те, кто уже отслужили, вернее отвоевали...

– А, ну да! Вояки! Тут что война? Когда подлетали, мы что-то не заметили! – с улыбкой спросил я. – Да здесь просто курорт! Тепло!

– Тебе виднее, солдатик, – попыталась улыбнуться стюардесса.

– Слушайте, девушка, вы такая хорошая! Как Родина! Сейчас поднимитесь в небо и исчезните в облаках, а можно я вас поцелую? Когда еще придется? – смело спросил я. – Пожалуйста, в щечку! Обещаю, никто не узнает! Раз уж мы на войну прилетели...

Она ничего не ответила, а скорее всего, решила немного подумать и остановилась во времени и пространстве. Я не мог долго размышлять, самолет как вкопанный остановился и заглушил турбины. Я смотрел в ее глаза, и вечность засмеялась над нами, нет, скорее мы купались в вечности, пока не раздался рык одного майора, летевшего с нами.

– Десантура, вперед, я первый, остальные за мной! Не зевать, воробушки.

Я жадно вцепился своим пересохшим ртом в шелковую шею красавицы, которая была старше меня лет на десять. Потом вскользь, в ее влажные губы, пока живой поток таких же, как я пацанов, не увлек меня к двери, ведущей к жаркой и неизведанной земле.

Парни весело сбегают по трапу, вниз. Солнце! Какое огромное, мощное солнце! Жара! Вдалеке на горизонте и по кругу – горы: каменные, черно-серебристые, как будто железные.